

— Как сам думаешь, на сколько баллов ты сейчас сыграл? — Цзян Ин вышел из образа и серьезно посмотрел на Мэй Цзыханя.

— Ну... Без особых провалов, но и без шедевров. Баллов на семьдесят, — попытался небрежно отмахнуться Мэй Цзыхань, хотя про себя вопил на полную: «Девяносто девять! До ста не дотягиваю только чтобы не зазвездиться!»

— Похоже, наши критерии оценки немного расходятся, — с тихим вздохом произнес Цзян Ин.
— Как по мне, тут от силы шестьдесят.

— Проходной балл? — не поверил своим ушам Мэй Цзыхань.

— Из ста двадцати.

«Дорогой мой, ну за что ты со мной так строг?»

Мэй Цзыхань невольно схватился за сердце.

Глядя на его физиономию, Цзян Ин сразу понял: тот категорически не согласен. Впрочем, подобная реакция была вполне предсказуема, так что удивления не вызвала.

Если судить объективно, игра Мэй Цзыханя, хоть и грешила штампами, всё же превосходила потуги некоторых исполнителей главных ролей в отечественных сериалах: он хотя бы сумел передать цельный характер персонажа.

Вот только этого было катастрофически мало.

Сяо Вэнью в исполнении Цзяньхана был лишь плоским персонажем со страниц сценария.

Ни провалов, ни ярких вспышек — абсолютная посредственность.

Даже если сыграно технично, в итоге получается герой, который вызывает лишь жалость пополам с раздражением.

— Мэйцзы, ты снялся в таком количестве треш-сериалов, что на тебя уже навесили мертвое клеймо. Если хочешь сменить амплуа и попробовать что-то серьезное, придется выложить на стол настоящие козыри, — искренне произнес Цзян Ин.

Мэй Цзыхань с досадой возразил:

— Да я и так прыгнул выше головы!

Если бы Цзян Ин с самого начала не задавил его своим авторитетом и профессионализмом, он бы и на это не сподобился.

— Слишком много ремесленничества, а эмоциональная арена обработана крайне грубо, — Цзян Ин устало потер лоб. — В тебе есть искра, но если ты продолжишь держать ее под спудом, она просто угаснет.

— И что мне делать? — развел руками Мэй Цзыхань. — Может, в следующем проекте найдем роль получше? С этим-то мы уже вряд ли успеем.

До конца съемок оставалось две недели. За такой срок даже в режиме адской муштры ничего не исправить.

— Сцены с твоим персонажем добавляли уже на ходу, — Цзян Ин на мгновение задумался, задумчиво поглаживая пальцами края сценария. — Довести твою игру до моего идеала за это время точно не выйдет, но ты можешь привнести в образ новые детали. Думаю, твой режиссер даже ничего не заметит.

— Привнести детали? — Мэй Цзыхань растерялся. — В смысле... добавить герою деталей в предысторию или переписать реплики?

— Сказанные с разной интонацией, одни и те же слова звучали бы совершенно по-разному.

У Цзян Ин и без того были невероятно красивые глаза, а сейчас, когда в них вспыхнул азартный огонек, Мэй Цзыхань и вовсе не мог оторвать от него взгляда.

«Похоже, тот Цзян Ин, которого я знаю, и тот, которого я себе воображал, — это совершенно разные люди».

Но одно можно было сказать точно: от такого Цзян Ина сердце Мэй Цзыханя заколотилось еще быстрее. Это напоминало пожар в старом доме — тушить бессмысленно, да и спастись совсем не хочется.

— По сценарию Сяо Вэнь — трусливый и эгоистичный дезертир. Чтобы доказать свою спесь, он начинает добиваться собственной сестры, не гнушаясь никакими средствами. Типичный отрицательный персонаж, жалкий паяц. Но ты можешь взглянуть на него под другим углом: превратить Сяо Вэнь из исключительно презренного типа в персонажа трагического.

— Трагического?

— Именно, — серьезно подтвердил Цзян Ин. — К примеру, задумывался ли ты, почему Сяо Вэнь вообще стал дезертиром?

Мэй Цзыхань молчал.

«Похоже, я и вправду безнадежный тупица... Что он вообще имеет в виду? Я же ничего не понимаю!»

На следующий день, когда Мэй Цзыхань примчался на съемочную площадку, под его глазами красовались внушительные синяки.

К счастью, сегодня ему предстояло играть в испятнанной грязью, разорванной одежде, изображая крайнюю степень измождения. Так что его вид лишь сэкономил время гримерам — пара взмахов кистью, и актер был полностью готов к кадру.

Голова Мэй Цзыханя до сих пор опухала от забитых туда Цзян Ином «актерских секретов». Он все еще пытался их переварить.

— Ты чего такой дерганый? Лица на тебе нет, — с тревогой спросила Ван Сяомань. — Я слышала, ты забирал сценарий домой. Неужели всю ночь просидел за текстом?

— Угу... — неопределенно отозвался Мэй Цзыхань, витая где-то в облаках.

Он действительно просидел над сценарием всю ночь: Цзян Ин разбирал с ним каждую строчку, буквально по буквам, и в итоге нанизал на первоначальный каркас персонажа совершенно «новое видение».

— Я понимаю, ты давно не получал крупных ролей, но в таком проекте не стоит так изводить себя. Да и персонаж этот... не самый лучший, — похлопала его по плечу Ван Сяомань, пытаясь утешить.

С одной стороны, она искренне радовалась, что Мэй Цзыхань выбился из безымянной массовки и снова обрел мотивацию работать. С другой — ей было обидно за него: за роль Сяо Вэньу, как ни крути, ничего, кроме проклятий зрителей, не получишь. Персонаж был откровенно гнилым.

— Все в порядке, сестра Сяомань, не волнуйся, я все понимаю, — Мэй Цзыхань наконец немного пришел в себя.

— Так, ладно, народ, приготовьтесь, начинаем! — хлопая в ладоши, закричал режиссер. — Сегодня надо поднажать и снять побольше сцен, чтобы все могли закончить пораньше.

— Сцена сто девяносто девятая, дубль один. Мотор!

Мэй Цзыхань, уже переодетый в костюм, находился в полутемной, тесной камерке.

Актер, игравший его командира, был мужчиной средних лет — вечным статистом, перебивавшимся эпизодическими ролями.

— Командир... а у тебя из родных кто-нибудь остался? — Мэй Цзыхань сидел, низко опустив голову. Голос его слегка дрожал, словно он с трудом подавлял рыдания.

Сяо Вэньу так и не поднял глаз, но всем в комнате стало ясно: он плачет.

В сценарии о слезах Сяо Вэньу не было ни слова, но такая подача казалась удивительно точной.

— Раньше, в школе, учитель всегда твердил: «За процветание или гибель страны отвечает каждый простой человек»... Но мы? Мы, пошедшие в армию... неужели мы правда способны вынести эту ношу? — Мэй Цзыхань вскинул голову. В его глазах вспыхнула ярость, а лицо исказилось от смеси изумления и гнева.

Да, именно гнева.

Он был в бешенстве от собственной беспомощности и одновременно ненавидел бессилие всей своей страны.

Впрочем, эта вспышка почти сразу сменилась горьким отчаянием.

Что может сделать против вражеских пушек такой голый и босый «простой человек», сколько бы подобных ему ни собралось вместе?

Его родители погибли, осталась только сестра. Но даже она не в силах понять его боль. А гибель двоюродного брата и вовсе открыла ему страшную правду: его единственная оставшаяся родственница на самом деле даже не кровная ему душа!

Неродная по крови, да еще и чуждая по духу — разве можно после этого звать ее сестрой?

Сяо Вэньу, казалось, пытался осмыслить нечто важное. Его губы дрогнули, но он не произнес ни звука.

Он сидел с идеально прямой спиной — точь-в-точь как ученик за школьной скамьей,

внимающий учителю.

— У меня-то? Да почти все уже полегли. Раньше-то отец с матерью сосватали мне невесту, да семейка наша бедная была, вот девка и не захотела идти в наш дом, — актер отчеканил заученный текст, будто боясь встретиться взглядом с Мэй Цзыханем.

— Командир, я точно не буду таким, как ты, — произнес Сяо Вэньу с такой твердой решимостью, что его лицо внезапно стало неестественно спокойным. В эту минуту в нем не осталось и следа от юношеского пыла — лишь холодная, взрослая сдержанность.

Человек, прошедший сквозь ад войны, фатально отличается от наивного школяра, не видавшего жизни.

— Я никогда не стану таким! — выделил он каждое слово.

...

«Хм?» — Ван Сяомань, наблюдавшая за съемочной площадкой со стороны, ощутила странную нестыковку.

Она снова опустила глаза на страницу сценария. Мэй Цзыхань действительно произносил ровно те слова, что были прописаны в тексте, да и его игра вполне соответствовала характеру героя и обстановке сцены.

И все же в его образе появилось нечто большее. Что именно — она не могла сформулировать.

Но то, как сыграл Мэй Цзыхань в этом дубле, на голову превосходило все его предыдущие попытки.

Режиссер взгляделся в монитор. Не найдя к чему придраться, он даже щедро похвалил Мэй Цзыханя.

Надо же, актер так старательно отрабатывает столь неблагодарную роль! Подобная самоотдача — лучшее признание для него как для режиссера. Если Мэй Цзыхань и дальше продолжит играть на таком уровне, сегодня удастся закончить съемки значительно раньше!

Сценарист Чжан задумчиво погладил подбородок. Выражение его лица было сложным.

Он был самым опытным человеком в съемочной группе: на его счету числилось несколько выстреливших хитов, да и талантливых актеров за свою жизнь он повидал немало.

Всего за один день Мэй Цзыхань будто переродился. Пусть в его игре еще проскальзывали топорные ходы, но по сравнению с тем, что было раньше, это был просто колоссальный прыжок вперед.

Плоский, картонный Сяо Вэньу из сценария вдруг ожил на глазах, обретя плоть и кровь.

Двадцать семь лет — прекрасный возраст для актера.

Вот только... какова цена этому взлету?